

Вячеслав РЫБАКОВ

О БЕЛЯЕВЕ

Было время в истории нашей страны, когда даже братьев Стругацких, в течение четверти века остававшихся для интеллигенции символами доброй интеллектуальной свободы и считавшихся официальной критикой чуть ли не антисоветчиками, вдруг официально объявили пропагандистами коммунистической идеологии и сторонниками тоталитаризма.

Что ж тут говорить об Александре Беляеве!

Писатель, всю жизнь проживший, словно бы из последних сил выгребая против течения, мечтавший и творивший вопреки и собственной физической немощи, и чугунной государственной мощи, писатель, книгами которого зачитывалось несколько поколений подростков, начиная ещё с довоенных времён, вдруг оказался бездарем. Певцом государственного насилия. Пропагандистом глобального господства кровавого большевизма. Бесчеловечным вивисектором, не понимающим, насколько антигуманна все его фантазии. Неумным и плоским шутником, не умеющим предвидеть даже ближайших нравственных следствий собственных плоских выдумок. И, страшно сказать, апологетом вымученного советского героизма, не проявлявшим никакого интереса к проблемам маленького человека.

А что тогда читать мальчишкам?

Как что?

«Архипелаг ГУЛАГ», «Остров Крым», «Мы»... А если не хотят — ввести эти книги в школьную программу. Ведь они прививают подрастающему поколению правильное мировоззрение.

Помню, ещё в середине 90-х один мой знакомый шестиклассник сказал: «Читать сейчас не модно».

Навязывание модных антисоветских страшилок привело к тому, что немодным стал процесс чтения как таковой. Это не было единственной причиной, конечно. Но, как говорится, внесло свою лепту.

Книги Беляева я начал читать классе, наверное, во втором. Не припомню, какая из них была первой. Возможно, «Человек-амфибия» — благодаря как раз тогда вышедшему на экраны великолепному фильму-экранизации. Именно за эту книгу Беляева в 90-х обвиняли в пропаганде бездушной учёной жестокости («А почему Сальватор не подумал о том, на какое одиночество он обрекает Ихтиандра, когда пересаживал ему жабры?»). Но, может быть, это была «Звезда КЭЦ». Та самая, за которую Беляева зачислили в сталинисты и в экологические преступники («По всей планете коммунисты джунгли сводят, искусственные солнца над полюсами зажгли!»).

Литературно Беляев, конечно, не Достоевский и не Борхес. И, в отличие от Солженицына, не пишет «семечки» через «я» и «девчонки» через «ё». Так и слава Богу. При увлечённом чтении общепринятое правописание незаметно впечатывается в зрительную память. Поэтому наше поколение и само с абсолютным автоматизмом писало правильно, а не кто во что горазд, инстинктивно маскируя свои грамматические сомнения шутками юмора и «олбанским языком»: «красавчег», «эксперд», «пичалька»... А Достоевского с Борхесом фиг бы кто стал читать в восемь, девять, десять лет, то есть на самых ранних стадиях духовного становления. Простой рассказ. Простые слова. Простые образы.

Может, я моральный урод, но, читая про Ихтиандра, я не переполнялся возмущением от жестокости Сальватора и отнюдь не заражался ею (собственно, пересадкой жабр ребёнку доктор того спас, а ведь как известно ныне, настоящие гуманисты предпочитают применять к неизлечимо больным детям судебно разрешённую эвтаназию). Я восхищался красотой моря и необъятностью мира. Переживал заманчивость порядочности и отвратительность подлости... И то, что выбор между порядочностью и подлостью однозначен. Потому что выбор Гуттиэре доказывал это сполна.

Любовь — это ведь и есть самый важный выбор, и осуществляется он не логикой, не учётом факторов, а естеством.

Но ведь именно эти убеждения и должны исподволь формировать сознание ребёнка, иначе кем он вырастет?

Знаем, кем.

Может, я сам генетический сталинист, но, читая «Звезду КЭЦ», я отнюдь не пропитывался принудительной и натужной аскезой тридцатых годов, безграмотным отношением к воздействию космических лучей на геном человека и пренебрежением тонкими настройкам планетарной экологии. Меня манил космос. Меня приводил в восторг результативный труд. Меня восхищала страсть к бескорыстному познанию. Я убеждался воочию: друзья не бросают друзей, коллеги не бросают коллег. Даже если ты потерялся на Луне, даже если кислород и прочие жизненные силы у тебя на исходе — те, кто рядом с тобой, кто вместе с тобой, тебя найдут и спасут. Даже рискуя собой.

А если ребёнку с молодых ногтей внушают через книги и фильмы нечто иное, кем он вырастет?

Знаем, кем.

Попробуйте-ка воспитывать детей, скажем, на «Превращении» Кафки! На «Все люди — враги» Олдингтона! Хотя — какая блистательная литература!

С того самого 1962 года Беляев надолго стал одним из самых моих любимых и читаемых-перечитываемых писателей. А уж когда вышел знаменитый восьмитомник...

Уже лет в восемнадцать увлечение пошло на убыль, и во взрослом состоянии я Беляева не перечитывал. И вряд ли стану, разве что на сугубой пенсии, впадая в детство. Не так уж оно худо — снова впасть в ясное, солнечное, простое детство...

Но даже и это не обязательно. Ведь всё лучшее, что Беляев мог дать — оно во мне. В подкорке, в раннем, уже неосознаваемом фундаменте. Никуда не делось. И страсть к познанию, и вера в прогресс своей страны, и тоска по идеалу, и верность друзьям... Все случилось вовремя.

Видимо, не только физиологически человеческий эмбрион обязан пройти в своём развитии все стадии развития жи-

вой материи, от азов, от ящериц, рыб и птиц — и, не пройдя хоть один из них, он не сможет стать полноценным. Ни один из этапов нельзя вынуть, нельзя пропустить. Получишь уродца, а то и вовсе мертворождённого.

Культурное развитие духовного эмбриона подчинено тем же законам.

«Мой сын поёт „Марш Звезды КЭЦ“... И он, наверное, будет жителем звёзд».

Конечно, марш — это ужасно, это чудовищно, это явно отдаёт милитаризмом и попранием прав человека. Пусть лучше дети поют «Я убью тебя, лодочник» и «Муси-пуси». И станут жителями подвалов.